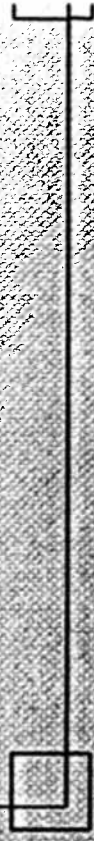

Лотмановский сборник 2

ЛОТМАНОВСКИЙ
СБОРНИК

- Толковая Палея — Толковая Палея 1477 года. Синод. № 210. Общество любителей древней письменности. ХСIII. 1892.
- Троицкая лет. — Прислаков М. Д. Троицкая летопись М., Л., 1950.
- Успенский 1996 — Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996.
- Филимонов 1874 — Филимонов Г. Очерки русской христианской иконографии: София Премудрость Божия // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1874. Вып. 1/3. С. 1—20, прилож.
- Флоренский 1914 — Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М., 1914.
- Флоровский 1932 — Флоровский Г. О почтении Софии Премудрости Божией в Византии и на Руси. Труды пятого съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932. С. 485—500.
- Хожения — Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. Изд. Н. И. Прокофьева. М., 1984.
- Алтман 1938 — Алтман А. М. Darstellung und Deutung der Sophia im Vorpetrinischen Russland // Orientalia Christiana Periodica. Vol. IV. 1938. S. 120—156.
- Coathalem 1954 — Coathalem H. Le parallélisme entre la sainte Vierge et l'Église dans la tradition latine jusqu'à la fin du XIIme siècle. Roma, 1954.
- Dagron 1984 — Dagron Gilbert. Constantinople imaginaire. Paris, 1984.
- Dagron 1996 — Dagron Gilbert. Empereur et prêtre: Étude sur le «césaroparisme» bysantin. Paris, 1996.
- Daniil Egimeno 1991 — Daniil Egimeno. Itinerario in terra Santa. Introduzione, traduzione e note a cura di Marcello Garzanti. Città nuova editrice, 1991.
- Guénon 1931 — Guénon R. Le symbolisme de la croix. Paris, 1931.
- Guénon 1994 — Guénon R. Simboli della Scienza sacra. Milano, 1994.
- Janin 1951 — Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin. Part 1. Tome III: Les églises et les monastères. Paris, 1953.
- Majesta 1984 — Majesta G. P. Russian travelers to Constantinople in the XIV and XV centuries. Washington, 1984.
- Mejendorff 1959 — Mejendorff J. L'icongraphie de la Sagesse Divine dans la tradition Byzantine. Cahiers archéologiques. 1959. Vol. 10. P. 250—277.
- Milner 1994 — Milner S. Image of rightful ruler // New Constantines: the Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th-13th Centuries. Ed. P. Magdalino. Hampshire, 1994. P. 73—82.
- Ропре 1981 — Ропре А. The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. 7. Amsterdam, 1981. P. 15—66.

От старой Ладogi до Екатеринослава (место Москвы в представлениях Екатерины II о столице империи)

Е. А. Погосян (Тарту)

Хорошо известно, что Екатерина II не любила Москвы. Такое отрицательное отношение к древней столице определялось не только ее бытовыми впечатлениями, а вполне соответствовало представлениям императрицы о роли столицы вообще в политической истории государства.

Среди бумаг Екатерины II сохранился французский отрывок, содержащий сравнительную характеристику Москвы и Санкт-Петербурга. Отрывок этот впервые был опубликован в 1872 году¹ и неоднократно перепечатывался в различных собраниях сочинений императрицы под заголовком «Размышления о Москве и Петербурге».

В начале «Размышлений» Екатерина излагает мнение своего условного оппонента — противника Петербурга. «В старину много кричали, да еще и в настоящее время часто говорится, хотя и с меньшою колкостью, — пишет она, — о построении города Петербурга <...> Говорят, и это отчасти верно, что там умерло несколько сот тысяч рабочих от цынги и других болезней <...> что дороговизна всех предметов с этим городе, сравнительно с дешевиною в Москве и в других областях, разоряла дворянство и проч., что местоположение было нездорово и неприятно, и не знаю еще что, и что это место менее, чем Москва, подходит для господства над империей»².

Упреки Петербургу, перечисленные здесь, были общим местом почти всякого описания новой столицы. Без них не обходился почти ни один рассказ о посещении Петербурга иностранными путешественниками. Те же упреки мы встречаем и в сочинениях русских авторов. Так, например, И. Н. Болтин, которому Екатерина покровительствовала и с сочинениями которого была знакома, в «Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Лекерка» писал о недостатках новой столицы: «<...> отдаление от средоточия Государства, пошва неплодная, климат суровой, местоположение низкое и болотное, дороговизна хлеба»³. Можно говорить о том, что Екатерина очень точно очертила признаки, которые во второй половине XVIII века определяли «репутацию» Петербурга.

Кроме того, она приводит еще один, менее распространенный довод сторонников Москвы: «Это предприятие Петра Великого похоже на предприятие Константина, который перенес в Византию престол империи и покинул Рим, причем римляне не знали, где искать свою отчину, и, так как они не

видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало-помалу падали и совершенно уничтожились»¹.

Таким образом, Екатерину волновали и с ее точки зрения должны были быть опровергнуты четыре главных довода в пользу Москвы: дороговизна жизни в Петербурге, его нездоровое положение, то, что он находится на границе, а не в центре империи, и отсутствие здесь памятников славного прошлого, которые бы возбуждали доблести россиян.

По поводу дороговизны императрица писала в «Рассуждениях»: «Петербург, надо сознаться, стоил много людей и денег; там дорога жизнь, но Петербург в течение 40 лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет с тех пор, как она была построена»².

Что касается нездорового местоположения новой столицы и римских доблестей, которых не может возбудить Петербург, то именно эти два пункта вызывают наиболее острую реакцию Екатерины. Москва для нее — «столица безделья», дворянство «принимает там тон и приемы праздности и роскоши», в Москве у народа перед глазами больше, чем где-либо, «предметов фанатизма, как чудотворные иконы на каждом шагу, церковь, монастыри», здесь грязь в домах и «дворы грязный болота»³. Здесь ничто не может возбуждать «усердие и любовь к отечеству», поскольку москвичи «всегда разъезжая в карете шестерней» видят «только жалкия вещи, собственная разслабит саму́й замечательный гений». Более того, Москву наполняет «сборд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущается по малейшему поводу». Вместо преданий о героическом прошлом народа, толпа хранит «рассказы об этих возмущениях и питает ими свой ум»⁴. Таким образом, Москва вовсе не похожа на Рим и не только не способна, с точки зрения императрицы, пробуждать доблести, она убивает «гений» русского народа.

Показательно, что слово «рассказы», использованное при характеристике Москвы, Екатерина поставила в заглавие одной из своих неоконченных комедий, которая полностью посвящена тому, как рождаются и распространяются слухи⁵ (слухи для Екатерины всегда были чертой именно московского быта и место действия этой комедии императрицы — Москва⁶).

Герои комедии «Рассказы (Баба бредит, чорт ли ей верит)» — чета Соборных — выслушивают вести, которые принесла им соседка их Древкин на «возвратясь с Гостинного двора»⁷, от кумы Шыпиной. На рассказы Древкиной супруги реагируют по-разному. Если Соборина верит каждому ее слову и тут же додумывает за рассказчицу детали, то ее мужа интересует, как звали, например, двух генералов, которые внезапно занемогли и умерли в Смоленске, или где живет маркиз, рассказавший историю дуэли князя и графа. Словами «Не верю» заключает он свои безрезультатные расспросы и засыпает. Показательно, что большинство слухов здесь — непонятые и перевернутые с ног на голову домыслы о мерах правительств, которые были предприняты на благо поданных.

Так, например, Древкина сообщает, что из-за границы никого не пускают без осмотра и всем под нос дымят, на что Соборин благодушно возражает, что лучше дым глотать, чем умереть. Разговоры о мерах по предотвращению эпидемии чумы и нежелании населения подчиняться им появляются в пьесе не случайно: в официальной литературе московская чума осмыслялась как результат контактов (хоть и военных) с варварским народом — турками. То, что чума разразилась именно в Москве, интерпретировалось и как следствие предрассудков и суеверий жителей столицы. Чума и варварство в эти годы становятся синонимами для официальной литературы⁸ и представление о том, что чума — удел варварских народов, получает широкое хождение. В контексте же противопоставления двух столиц, московская чума становится своеобразным аргументом в споре о достоинствах Москвы и Петербурга: причиной эпидемий является не климат, а непростота народа. Именно Москва со своей грязью и суевериями — место нездоровое.

Тематика эта была подробно разработана в одах, посвященных спасению Москвы от чумы, особенно же ярко в оде А. П. Сумарокова. Здесь кульминацией эпидемии представлена расправа обезумевшей толпы над Амвросием, пытавшимся прекратить доступ к чудотворной иконе и тем самым предотвратить распространение болезни. Чуме же Сумароков противопоставляет «чистую струю» Невы — чистую и от «яда» чумы и от «яда» невежества.

Поэтому, когда Екатерина опровергает представление о «нездоровом» Петербурге, она апеллирует не к географии или климату, она пишет в «Рассуждениях о Москве и Петербурге», что в новой столице народ «образованнее, мягче, менее суеверен»⁹ и поминает грязь Москвы, ее чудотворные иконы, фанатизм москвичей и склонность их к мятежам. «Нездоровым», с точки зрения императрицы, делает столицу не климат, а невежество ее жителей.

Едиственный довод своего воображаемого оппонента, на котором Екатерина прямо не остановилась в «Рассуждениях», — окраинное положение Петербурга, — на самом деле особенно интересовал императрицу: такое положение новой столицы имело, с точки зрения Екатерины, прямое отношение и к суевериям москвичей, и к особой исторической роли Петербурга.

Однако сначала остановимся немного подробнее на пороках москвичей, которые императрица порицает в «Рассуждении».

С первых дней своего царствования, Екатерина, следуя Гельвецию, видела свою задачу в воспитании поданных¹⁰. Уже в указах 1762 года эта концепция хорошо видна. По поводу бунта горнозаводских крестьян императрица писала 6 декабря 1762 года: «Крестьяне возбуждены чрез некоторых продерживших бездельников <...> и доведены до того, что, по призыву сих людей, понудили их к сопротивлению, которое они, по безумию своему, начинают делать <...> Наше правосудное и милосердное намерение есть в том, чтоб простить и заблужденных исправить»¹¹. Такой же фразеологией наполнены, например, указы по делу Мировича. Идея эта была для Екатерины очень устойчивой и универсальной. Поданных своих она видела

«простыми и заблужденными» — их следовало просветить, спасти от суеверий и воспитать из них граждан. Но среди них были «бездельники» и их следовало если не наказывать, то изолировать от общества, обезвредить насмешкой. Москва, как мы уже видели, и была для нее столицей безделья (а безделье рождало праздность, склонность к суевериям и распристранению слухов, слухи же в свою очередь порождали мятежи). В борьбе с московскими слухами уже в 1763 году Екатерине пришлось издать манифест «О воспреещении непристойных рассуждений и толков по делам, до правительства относящимся» (речь шла о слухах по делу Хитрово). Она писала здесь, что «<...> являются такие развращенных мыслей и нравов люди, кои <...> заражены странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных». «Таковых зараженных неспокойными мыслями» Екатерина «матерински увещевала» прекратить «разглашения», «прилежа единственно званию своему, и препровождая время не в *праздности, или невежестве, или буянстве*»⁵.

Очень часто, рисуя своих подданных, Екатерина прибегает к образу взрослого простодушного младенца, который не может отстать от детских забав. Персонажи такого рода впервые появляются уже в маскарade «Торжествующая Минерва» — он был включен в состав коронационных торжеств. Цельный ряд масок, сопровождающих «Превратный свет», — взрослые дети, скачущие на игрушечных лошадках, играющие в «гремушки» и куклы. Героев такого типа в своих комедиях и сказках Екатерина заставляла гонять голубей и таскать изюм, что знаменует незрелость их рассудка. Так, например, Собрин из «Разсказов» не знает, чем заняться в дождливый день, когда нельзя гонять голубей — «наохлалились все и не летают». Но именно он, носитель детского естественного взгляда на мир, не верит, как мы видели, «колобродным» слухам.

Такими видела русская императрица своих подданных в первую очередь, все остальные пороки — галломания, пьянство, мечтательность — были производными от их инфантильности. Следовало лишь воспитать из этих «детей» «взрослых»: отучить от забав, просветить и приучить к труду на благо отечества.

Комедия «О время!» выделялась среди других произведений императрицы не только своими литературными достоинствами и популярностью у русского зрителя той эпохи. Она выделялась и тем, что только в этой комедии обозначено место действия — Москва. Более того, некоторые второстепенные детали других комедий дают возможность предположить, что там действие также происходит к Петербургу. «О время!» и «Разсказы», где действие ляют, таким образом, своеобразный «московский цикл». Это тем более показательно, что Екатерина здесь, в отличие от других своих произведений данного жанра, высмеивает не только нравы подданных и их «детские» пороки, но вводит в нее элементы политической сатиры. Эти комедии, в

значительно большей степени, чем другие, посвящены тем «бездельникам», которые своими суевериями, ханжеством и лживыми домыслами причиняют зло всему обществу.

Традиционный сюжет в комедии «О, время!» — сватовство — лишь внешний фасад пьесы. В центре ее три московские барыни — Ханжихина, Вестникова и Чудихина. Все три проводят свою жизнь в собирании и расшивании сплетен и слухов. Ханжихина — ростовщица, которая с утра до вечера притворно молится. «Потом начинается заутрениа, — рассказывает служанка, — во время которой, то бранит дворецкого, то шепчет молитвы; то посылает провинившихся на кануне людей на конюшню пороть»⁷. Ее подруга Вестникова «Жеманна, <...> высокомерна, <...> злоречива, и любит при старости наряды»⁸, а Чудихина «суеверна до бесконечности» и «мотовка безрассудная»⁹.

Но обличение пороков московских барынь не составляет главный смысл пьесы. Екатерине важно показать здесь, что именно в этой среде и в Москве, зреет разрушительное для благоденствия общества недовольство деятельностью правительства. Все три московские барыни в один голос ругают деятельность Екатерины: одна возмущается, что правительство не берет на себя расходы по содержанию крепостной дворни, другая — что оно разрешает беднякам жениться и рожать детей и таким образом плодит нищету. «Нынче ни в чем смотрения нет, да кому и смотреть!» — в один голос восклицают они.

Именно в этой среде рождаются и слухи о Петербурге. Так, Вестникова рассказывает Ханжихиной и слушающему в Петербурге Непустову, положительному герою комедии: «Письма из Петербурга пришли. Пишут, что вода там так была высока, что весь город потопила, и люди на кровлях насилу место себе находим. <...> да густь и не потонули, так по крайней мере с голода тамо люди мрут. Во всем недостаток, ни о чем ни правительство, ни полиция, и никто не думает. Я и еще кое что знаю похуже этого. Много оттуда вестей, хороших-то только нет <...> Пишут ко мне нечто под обиняком; однако я догадалась, что это значит <...> „Естьлиб вы знали, какия у нас к маслянице готовятся крутяя горы, тоб вы удивились и испужались!“ Вот какой особняк! Да я разумею, что это значит: крутенька гора та затева-ется»¹⁰. Непустов отказывается вычитать из письма что-либо, кроме рассказа о горе, которая «всякую масляницу бывает». В слухах же о несмотрении правительства он видит результат неадекватной реакции на те свободы, которые Екатерина дает своим подданным: «В прежние времена за болтанье дорого плачивали; притупляя языкчок, чтоб меньше он пустаго бредил; а ныне благодарить вам Бога надобно, что уничтожают этакия бредни. Разумно бы и с нашей стороны было, естьлиб мы сами себя от глупостей, а паче от незбыттых затей и новостей воздерживали»¹¹. Таким образом, Екатерина сталкивает в своей комедии жителей Петербурга и Москвы не только как служащих отечеству и праздных (это не так актуально, поскольку москвичи предоставлены преимущественно дамами), но как столичное сооб-

шество граждан, которое понимает намерения правительства и адекватно реагирует на реформы, и «толпу» недовольных, которые не понимают на их благо направленных мер правительства и противятся им.

Национальная же старина, которую хранит Москва и к которой апеллируют сторонники Москвы в своем недовольстве новой столицей, по мнению императрицы, оборачивается только приверженностью к внешней стороне обрядности и многочисленным суевериям. Истинные хранители старинных обрядностей — жители Петербурга. «Просвещенная» служанка Ханжихиной (поклонница «Клеветанда» и читательница «Ежемесячных сочинений»²¹) говорит Непустову, что барыня ее «любит и хвалит старину» — «добродетелей идет в долгах молитвах и в наружных обыкновениях и *обрядлах*: «наблюдает строго дни праздничные <...> мяса по постам не ест; ходит в шерстяном платье». И Непустов с ней согласен — это лишь внешнее следование старине: «Да почему это прародительские нравы? Это ни что иное, как ничего не значащие обычаи, кои она с нравами или не различает, или различить не умеет». Сам же он истинный поборник старины: «Похвальна, весьма похвальна, — говорит Непустов, — старинная верность дружбы, и твердое наблюдение данного слова, дабы в несодержании его было стыдно!»²².

Важна и еще одна реплика Непустова. Он полагает, что «злых людей много на свете, нам не переделать»²³. То есть такие люди не подвластны перевоспитанию. Воспитывать можно и нужно забитую и неграмотную, но обладающую природным смыслом Христину, внучку Ханжихиной. Так, Мавра говорит о Христине: «Она сердце имеет ангельское, но воспитана дурно <...> Хотя барышня моя толь дурно и воспитана, но она конечно не дура <...> естественный разум в ней есть <...> Ум ее таков, что она всякое наставление от любимого человека с охотою примет <...> будет она такова, какову будущий муж ее иметь похочет, и как ее поведет, к добру или худу»²⁴.

Итак, Москва была для Екатерины не только столицей роскоши, безделья, варварства и предрассудков. В то же время и именно поэтому Москва была столицей политической оппозиции.

Такие представления о Москве занимают совершенно определенное место в концепции государственного развития в целом, которая была выстроена Екатериной в ее драматической трилогии, посвященной ранней истории Руси. В этом контексте становится очевидно, что характеристики Москвы у Екатерины не столько указывают на реальные пороки москвичей, сколько являются признаками «старой» столицы.

Перу Екатерины принадлежат три исторические драмы, написанные «в подражание Шекспиру»: «Историческое представление из жизни Рюрика» (1786), «Начальное управление Олега» (1787) и «Игорь» (не была завершена). Драмы эти явились результатом работы императрицы над сочинениями «из русской истории» и Екатерина называла их «документальными», не отходящими от исторической правды: именно такой видела она историю русской государственности.

Во всех трех драмах доминируют с точки зрения государственной идеологии два плана.

Первый обращен к современности и Екатерине (и нам сейчас менее интересно). Рисует идеальных правителей Рюрика и Олега, императрица, без сомнения, подразумевает и себя, свои политические идеи, отношения с сыном и т. д.

Второй — объединяющий все три драмы — тема столицы государства и ее необходимого перемещения в процессе изменения исторических обстоятельств.

В «Историческом представлении из жизни Рюрика» Новгород — столица Руси, но вовсе не первый исторический центр славено-российского государства. Дед Рюрика Гостомысла начал объединение «Севера» с перенесения столицы из старой Ладоги в Новгород²⁵. Но к моменту, когда Рюрик и его братья призваны княжить в Новгород, эта новая столица становится центром митежа: Рюрик с братьями — потомки средней дочери Гостомысла, сын же младшей дочери — Вадим, — не взирая на старшинство, хочет захватить престол Гостомысла и его поддерживают «старейшины от славян».

О склонности Новгорода к митежам и беспорядкам, о «несогласии» новгородцев, где всякий «по своей мысли и прихоти правит и судит»²⁷, говорит старей князь Гостомысла, отходя в царство Одина. О том же сообщает и новгородский посланник варягам. По его словам, правитель Новгорода «много вида беспокойства от своих подданных, кои суть народы различные природою, нравом, обычаем, языком и законами»²⁸.

Другой важный центр земель, заселенных славянами, у Екатерины — Киев. Его еще предстоит завоевать и отстоять, так как жители этих областей (поляне и горяне) утесняемы от «козар» и платят им дань. Тема Киева здесь не дана оценочно — это только цель, к которой будут двигаться варягские князья, земли, куда переселяются новгородцы, обеспокоенные приходом варягов (туда, по мнению Екатерины, шло переселение северных славянских племен). В Киев по указанию Рюрика отправляется княжить его родственник, Оскольд.

То есть разные племена, объединенные Гостомыслом вокруг Новгорода, несут каждое свои суеверия, люди суеверные легко поддаются действию слухов и склонны к митежам. Вадим в борьбе за власть «заводит беспокойства в народе» — «начинает *рассеивать* в народе, будто Славяне в унизичении находят, и мало уж где в знатности, что великое число Варяг <...> угнетут Славян и Русь»²⁹. Сначала на эти слухи народ «не делал приключения», однако вскоре новгородцы оправдали характеристику, данную им Вадимом: «Соединитесь с прочим народом на площади, — бросил он несогласным с ним старейшинам, — где Добрынин Посадник, подобно пастуху, стада гоняет к пастбищам, ему угодным»³⁰. Несогласия их можно прекратить только одним путем — силой (слухи о приближении Рюрика с отрядом прекращают митеж). Для благополучного и мирного же процветания государства необходимо перенести столицу на территорию, где у суеверий и старинных племенных распрей не будет исторических корней. В драме

Екатерины такой внешней для всех славян территорией является Киев — он принадлежит «козарам».

В то же время Киев, стоящий на окраине будущего сильного славянского государства, удобен для походов на Царьград, который становится в эту эпоху, с точки зрения автора драмы, главным противником Киевского государства.

Таким образом, столица, по мнению Екатерины, должна быть оторвана географически от центра исторических предрассудков (преданий о догосударственном, племенном прошлом славян) и приближена к наиболее неспокойной границе государства.

Тема Киева лишь намечена, но автор полагает, что зрителю известно: приход Оскольда ведет к возвышению Киева, к началу сильного Киевского государства. «Несогласный» Новгород обречен: он не может быть столицей нового сильного государства.

Следующая драма цикла — «Начальное управление Олега». Тематика предыдущей пьесы одновременно и дублируется в ней, и развивается. С одной стороны, перед нами вновь идеальный монарх — двойник Екатерины: Олег, как и Рюрик, начинает правление с объезда своих земель. С точки зрения Екатерины, личная осведомленность в делах далеких окраин государства необходима и возможна лишь, если постоянно находиться в пути. Таким монархом был Петр, такой монархинея стремилась стать Екатерина, хорошо известны ее путешествия по Волге, в Прибалтику, Крым.

Однако, в первой пьесе внимание было сосредоточено на проблеме того, что «способный» и опытный государь, тем более старший в семье, даже если он иностранец, имеет более оснований быть монархом, чем младший, ничем еще, кроме мятежных склонностей, не зарекомендовавший себя (именно таким образом противопоставлены были там Рюрик и Вадим, то есть Екатерина и Павел). Теперь на первый план выходит противопоставление мудрости правителя Олега (который не является наследственным монархом) незрелости ума Игоря. Последняя тема будет подробно реализована Екатериной в третьей драме «Игорь», где со смертью Олега государство мгновенно приходит в состояние нестроения.

«Начальное управление Олега» продолжает предыдущую пьесу и в событийном ключе. Теперь в центре внимания не Новгород с его пагуонными племенными предрассудками, а новая столица. Однако новая государственность сталкивается в Киеве и с новой волной предрассудков: славяне-язычники противятся христианству, которое принес в Киев Оскольд из своего похода в Византию. Несогласные теперь уже киевляне готовы выступить против своего правителя Оскольда и отправляются с жалобой на него к Олегу. «Князь Оскольд, обращаюся к правителю, — переменяет у нас во многом древние обычаи без ведома твоего, — обращается к Олегу киевлянин, — от того в народе рождается подозрение». Язычник Олег уже сам постепенно начинает осознавать, что правота на стороне христианства (он узнает, что многие окрестные государи одновременно и независимо друг от друга приняли новую религию). Но своеволие Оскольда, перешедшего в

христианство без ведома старшего князя, заставляет Олега принять решение об отстранении киевского правителя от дел (Оскольд бежит к уграм).

От того, что новое принесится в жизнь киевлян не законным путем, а как нарушение государственных установлений, Киев также превращается в центр мятежей и несогласий, но теперь уже не догосударственного, а религиозного характера. По логике Екатерины, Киев может выполнять функцию столицы только временно, необходима новая столица.

Тема очередной новой столицы введена уже в первых сценах «Начального управления Олега». Олег на пути из Новгорода «на сем месте, где реки Смородина², или Москва, Яуза и Негминная соединяются» намерен «заложить город»³.

Ритуал закладки Москвы Екатерина окружает знаменами. Во-первых, это появление летящего орла в самый момент закладки. «Орел летит чрез град сей не понапрасну», — замечает один из участников церемонии⁴. Во-вторых, автор вводит в текст обширное пророчество о будущем Москвы. Жрец сообщает: «По всем приметам, сей град будет некогда обширен и знаменит <...> дождь шел от заката солнечного во всю ночь, при восходе же видны были стаи разных птиц, кои слетались отовсюду и сели на луга, где клевали непрестанно насекомых, выходящих от мрокоты из подземных своих жилищ <...> Дождь хотя значит богатство, изобилие, но великое разлитие оказывает затруднение; стан птиц родов разных знаменуют»⁵. Орел и пророчество о будущем великого города заимствован Екатериной из легенды об основании Царьграда, Екатерина лишь изменила характер пророчеств. Все пророчества здесь имеют натуральное объяснение: дождь заставлял насекомых выйти из-под земли, птицы слетаются клевать насекомых, а орел привлечен большим скоплением птиц. Дождь же сам по себе ничего удивительного не представляет. Не случайно мудрый Олег говорит: «Не всегда веру подавать можно приметам, они обманчивы»⁶. Таким пророчеством Екатерина одновременно осмевает суеверия и подчеркивает сомнительный характер аналогий между Москвой и Царьградом. То есть сама идея «Москвы — третьего Рима» осталась Екатерине совершенно чужда.

Покорение Олегом Царьграда и посещение этого города дано Екатериной в куртуазных тонах: Олег сидит за трапезой с императором и императрицей и потом, посетив военные игры, прибывает щит Игоря на ипподроме, но не в знак обладания и победы, а в знак памяти о посещении знаменитой столицы. Сцена эта, скорее, ориентирована на заграничное путешествие Петра Великого и его интерес к редкостям.

Москва же сопоставляется с Царьградом совсем в ином ключе. Смысл сопоставления вполне вписывается в идеологический контекст пьесы. Так, в «Заметке о Москве и Петербурге», как мы уже видели, Царьград, как и Петербург, оценивается сторонником старины отрицательно. Он, как и Петербург, «новая» столица, которая ничем не воодушевляет доблестей граждан, потому что оторвана от исторических преданий. Екатерина видела в таких преданиях лишь суеверия. И Царьград у нее — вне отношения к «первому» или «третьему» Риму — «новая» столица, каким Новгород был

при Рюрике, Киев при Олеге, потом Москва (Екатерина не уточняет, когда именно) и, наконец, Петербург при Петре I.

И если противник Петербурга из «Рассуждений» полагал, что в Царьграде и Петербурге угасли доблести, то в «Начальном управлении Олега» Екатерина подчеркивает аналогии Царьграда и Петербурга. Прием Олега царем Леоном и царицей Зоей открывается хором на стихи Ломоносова, где речь исходно шла о Петербурге:

Коликой славой днесь блистает
Сей град в прибылти твоём!³⁷

Подчеркивает Екатерина и «бодрый» дух подданных Леопа — бодрость же поддерживается войнами. Еще до восшествия на престол, в известных «Заметках об управлении» Екатерина беспокоилась о том, как сохранить военные способности нации во время долгого мира. В Константинополе в этой роли выступают военные «позорища». Представление, зрителем которого становится Олег, сопровождается хорами из Ломоносова же:

Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила³⁸;

Война плоды свои растит,
Героев в мир рождает славных...³⁹

Таким образом, Царьград описан Екатериной как мир военных доблестей, которые умело поддерживаются посредством военных состязаний. Кроме доблестей здесь процветают искусства — «древняя греческая игра» включают и театральное представление, перед Олегом разыгран отрывок из трагедии Еврипида.

Это вовсе не близкий к падению Новгород, это христианская столица бодрой и просвещенной нации.

Таким образом, с точки зрения Екатерины, политическая жизнь древней Руси — и Российской империи — подчинена своим собственным ритмам, и российские столицы возвышаются и падают независимо от судьбы «первого» или «второго» Рима. Падение и возвышение столиц определяется внутренними государственными потребностями, борьбой с традициями и предрассудками, изменением внешнеполитического курса. В этом контексте перенесение столицы из Москвы в Петербург понятно и оправданно.

Перенесение же (только планируемое, гипотетическое) столицы империи на юг, в Екатеринослав⁴⁰ или восстановление Константинополя как столицы христианского мира должны быть рассмотрены значительно более тщательно и осторожно, без привнесения идей «третьего Рима» в политическую доктрину Екатерины II.

Примечания

- 1 Сборник русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10. С. 577—581.
- 2 **Екатерина II**. Сочинения. М., 1990. С. 482. Здесь и далее курсив мой — Е. П.
- 3 Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклера, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Т. 1. СПб., 1788. С. 549.
- 4 **Екатерина II**. Сочинения. М., 1990. С. 482.
- 5 Там же. С. 483.
- 6 Обратим внимание, что Екатерина применяет здесь к Москве характеристику, традиционно петербургскую.
- 7 Там же. С. 483.
- 8 Характеризуя эту комедию Екатерины, В. К. Былинин и М. П. Одесский указывают, что она «демонстрирует отменные способности Екатерины — аналитика общественного сознания. <...> По мысли Екатерины, пустые толки и пересуды есть результат того, что народ, по невежеству своему, тирится всегда знать, «что ему знать не положено» (В. К. Былинин, М. П. Одесский. Екатерина II: человек, государственный деятель, писатель // Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 17). «Рассказы» принято относить к 1787 году. Так, в примечаниях к отрывку Былинин и Одесский указывают: «„Рассказы“ очень напоминают другую незаконченную комедию — „Врун“ (1787 г.), вскоре после которой они и были написаны императрицей. Наличие послышды-подзаголовка — характерная особенность поздних комедий Екатерины II» (там же, с. 532).
- 9 Это видно не только из того образа жизни, который ведут герои и который очень похож на быт москвичей в описании Екатерины, но и из следующих реплик: «Древкина. Ах, позабыла я сказать, что из Москвы приказано всех молодых людей, кои в службе записаны, выслать. Собрин. Не верю. Древкина (Собриной). Рассуди пожалуй, естли то правда, где же нам вять женихов для дочерей?» (Екатерина II. Сочинения, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А. Н. Пылина. СПб., 1901. Т. III. С. 369).
- 10 Там же. Т. III. С. 367.
- 11 Точнее было бы говорить о реализации традиционной метафоры в связи с эпидемией. Так, например, уже 18 июля 1762 года в манифесте «о лихорадке» — одном из первых ярких политических выступлений Екатерины, — чума знаменуется «лакомство» и «лихорадка»: императрица называет их «заражение сей язвою» и обещает самый строгий суд тем, кто ими «заражен был», если «увещание милосердное <...> не поддействует <...> в сердцах их окаменелых и зараженных сию пагубную страстью» (ПСЗРИ. № 11616).
- 12 **Екатерина II**. Сочинения. М., 1990. С. 484.
- 13 См. об этом: В. В. Калаш. Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902. С. 134. Об отношении Бещото, который по поручению императрицы занимался не только организацией воспитательных домов, но и был автором «воспитательных» манифестов Екатерины, к теории воспитания Гельвеция см.: Г. В. Пасханов. История русской общественной мысли. Кн. III. М.: А., 1925. С. 55 и след.
- 14 ПСЗРИ. № 11724.
- 15 ПСЗРИ. № 11843.

¹⁶ Екатерина II. Сочинения, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина. СПб., 1901. Т. III. С. 246.

¹⁷ Там же. Т. I. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ Там же. С. 14.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Там же. С. 18.

²² Там же. С. 7.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 21—22.

²⁶ Там же. Т. II. С. 241.

²⁷ Там же. С. 221.

²⁸ Там же. С. 237.

²⁹ Там же. С. 244.

³⁰ Там же. С. 142.

³¹ Там же. С. 269.

³² Смородина появляется здесь, возможно, в результате того, что императрица рассматривала герб Москвы в связи с былинным сюжетом о бое богатыря со змеем на реке Смородине. Именно в конце 1780-х — начале 1790-х гг. Екатерина особенно интересуется русским фольклором и, в частности, богатырскими сюжетами (см.: например, ее драмы о Василии Буслаеве, Иване Архидеече и Горе богатыря Косометовиче). Не случайно и цитирует Игорь, который Олег в «Начальном управлении Олега» «укрепляет к столбу Иподрома» в Царьграде, украшен изображением всадника (там же, с. 304).

³³ Там же. С. 267.

³⁴ Там же. С. 268.

³⁵ Там же. С. 267—268.

³⁶ Там же. С. 267.

³⁷ Там же. С. 294.

³⁸ Там же. С. 296.

³⁹ Там же. С. 297.

⁴⁰ Екатерина прекрасно понимала, что такой политический шаг вызовет не меньшее сопротивление, чем перенесение столицы в Петербург при Петре. В «Раасказах» она воспроизводит слух о планах строительства города на юге и укрепления южных границ, явно проецируя их на толки о небабалополучии Петербурга в комедии «О, время!». «Во всей поуденной границе столь дурно, что нечего есть <...> Конница не существует нигде, окроме на бумаге <...> Караби на море лишь двое малыя, и те гнилые <...> Денег нет, травы сожжены, воды засохли, лес не растет, люди умираются в землянках, понеже строения не начаты» (там же, т. III, с. 369). Блестящим опровержением слухов такого рода стало крымское путешествие императрицы.

К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича

К. Ю. Rogov (Москва)

1

Так называемое «общество Раича» хорошо известно в истории русской литературы: целый ряд мемуарных свидетельств (*Дмитриев М. 1855; Полюдин 1869а, 1869б; Муравьев 1871, Путья 1876, Кошелев 1884* и, собственно — *Раич 1913*), а также выдержки из дневника и переписки Полюдина, приведенные Н. П. Барсуковым (1888), были обобщены и дополнены в известной книге С. Аронсона и А. Рейсера (1929), и общество приобрело контуры несомненного исторического факта¹. И между тем, несмотря на столь значительный круг источников, общество практически никогда не становилось предметом монографического изучения и до сих пор остается на периферии картины литературной жизни 1820 гг.² Дело здесь отчасти в том, что списки участников, приведенные разными мемуаристами, дают в совокупности едва ли не полную картину молодой литературной Москвы начала 1820-х, что, естественно, размывает «интеллектуальную границу» кружка, переводя вопрос о его «почве» скорее в бытовую плоскость. В результате, общество предстает случайным временным сосуществованием разных групп, причем в тот момент, когда их литературные интересы и устремления еще не кристаллизовались в полной мере. Напротив того, кружок «любомудров», существовавший практически параллельно, оказывается почти идеальным объектом для реконструкции именно интеллектуального контекста (это тем более замечательно, что, в отличие от общества Раича, круг *прямых* источников о нем чрезвычайно ограничен) и становится отправной точкой истории «московского романтизма», главным ключом к ней.

Еще более усложняет ситуацию наличие среди «раичевцев» двух групп, литературные интересы которых в дальнейшем заметно расходятся. Это расхождение между теми, кто составил костяк редакции «Московского Вестника» (Погодин, Шеврев, Титов и др.), и теми, кого можно отнести собственно к «школе Раича» [литературная позиция Раича и роль его «итальянизма» в литературной эволюции 1810—1820-х были блестятельно описаны В. Э. Вацуро (1985)], наметилось уже в момент выхода альманаха Раича и Д. Ознобишина «Северная Антра на 1827» (несмотря на то, что первые приняли участие в альманахе, а вторые печатались в «Московском Вестнике») и вполне оформилось к концу 1820-х, отразившись, в частности, в известном